

Н. П. Булахова

Красноярск, Россия

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭПИТЕТОВ В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ С ПРИЗНАКАМИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ: ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности функционирования эпитетов в тактиках, реализующих стратегию дискредитации, на материале текстов, тяготеющих к осуществлению интенций информационно-психологической войны. Анализ показал, что рассматриваемое средство языковой выразительности способствует снижению социальной роли мишени ИГВ, приданию тексту иронической тональности, созданию пейоративной характеристики и компрометирующих ассоциаций, передаче авторской оценки того или иного объекта, выражению речевой агрессии и речевой манипуляции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологические войны; эпитеты; стратегия дискредитации; речевая агрессия; речевая манипуляция; политический дискурс; СМИ; средства массовой информации; медиалингвистика; медиатексты; медиадискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Булахова Наталья Петровна, преподаватель, аспирант 1-го года обучения, Сибирский федеральный университет.
Адрес: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79.
E-mail: Nbulakhova21@gmail.com.

N. P. Bulakhova

Krasnoyarsk, Russia

ABOUT THE USE OF EPITITES IN NEWSPAPER TEXTS WITH SIGNS OF INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR: A TACTICAL AND STRATEGIC ASPECT

ABSTRACT. The article discusses the features of the functioning of epithets in tactics that implement the strategy of discredit, on the basis of texts gravitating towards the implementation of the intentions of the information and psychological warfare. The analysis showed that the considered means of linguistic expressiveness helps to reduce the social role of the information and psychological warfare target, to give the text an ironic tone, to create a pejorative characteristic and incriminating associations, to transmit the author's assessment of an object, to express speech aggression and speech manipulation.

KEYWORDS: *psychological warfare; epithets; defamation strategy; speech aggression; speech manipulation; political discourse; media; media linguistics; media texts; media discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Bulakhova Natalia Petrovna, Lecturer, Postgraduate Student, Siberian Federal University.*

Введение. В последние несколько лет особое место в исследованиях такого социально-политического феномена, как информационно-психологическая война (далее – ИПВ), занимает языковой аспект – изучение специфики использования языка как оружия ИПВ. Это обстоятельство обусловило возникновение такого направления политической лингвистики, как лингвистика информационно-психологической войны (далее – ЛИПВ). ЛИПВ – новое междисциплинарное и многоаспектное направление политической лингвистики, привлекающее к себе внимание все большего количества исследователей (см., например, работы, опубликованные в журналах «Экология языка и коммуникативная практика» и «Политическая лингвистика»; коллективные монографии «Лингвистика информационно-психологической войны: Книга 1 (2017), Книга 2 (2019)»; Сборник трудов Всероссийской научной конференции «Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов. Новосибирск, 26-27 апреля 2018 г. и др.). Объектом изучения этой дисциплины является «специфика использования языка как средства ведения информационно-психологических войн» [Лингвистика... 2017: 17].

Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных информационной войне, вопрос об особенностях функционирования средств языковой выразительности в текстах, тяготеющих к осуществлению интенций ИПВ, изучен недостаточно. Одним из таких средств является эпитет, который мы определяем как «экспрессивное, то есть образное и/или эмоционально-оценочное определение предмета, явления, признака, признака и действия, создающее или подчеркивающее (интенсифицирующее) их изобразительное качество и/или аксиологическую характеристику и тем самым воздействующее на адресата. <...> Экспрессия, являющаяся обязательным признаком эпитета, может быть присуща ему как явлению языковой системы или задаваться контекстом его употребления» [Сковородников, Булахова 2017:

143]. Такое понимание эпитета позволило нам выделить 15 структурных моделей этого экспрессивного определения, включая и нетрадиционные его виды (деепричастия, деепричастные обороты, причастные обороты, экспрессивные придаточные определительные), названные нами эпитетоидами [Там же].

Исследование проводилось на основании 1340 примеров употребления эпитетов, обнаруженных в текстах с признаками ИПВ газет «Завтра» и «Новая газета».

Поскольку цель нашего исследования – определение особенностей функционирования эпитетов в тактиках, реализующих стратегию дискредитации, нами были использованы следующие методы: лингвоидеологический анализ, задача которого, согласно определению А. П. Сковородникова, – «вычленение, демонстрация и комментирование тех высказываний и фрагментов текста <...>, которые в совокупности своих контекстуальных связей обуславливают аксиологическую тональность» в отношении того или иного объекта (мишени – в терминах ЛИПВ) (подробнее см. [Сковородников 2019: 30]); представленный метод способствует не только определению идеологической направленности рассматриваемого материала, но и ее языковому описанию. Кроме того, методы компонентного и контекстного анализов использовались для выявления семантических особенностей анализируемого материала с целью дальнейшего выявления специфики функционирования эпитетов в рассматриваемых текстах; а также метод лексикографической идентификации для разграничения фактов языка и речи.

В данной работе под речевой стратегией, вслед за авторами коллективной монографии «Лингвистика информационно-психологической войны. Книга I» [Лингвистика... 2017], мы понимаем общий мыслительный план, или общую психологическую линию речевого поведения, определяемую «интенцией и коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации как совокупности факторов, влияющих на планирование и реализацию речевой коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные, гендерные, этнические характеристики, социальные статусы и роли, особенности характера, тип межличностных отношений, эмоциональное состояние и другие факторы)» [Лингвистика... 2017: 66]; а под речевой тактикой – «речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее

тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Использование речевой тактики или некоторой их совокупности призвано обеспечить осуществление речевой стратегии и, в конечном итоге, достижение коммуникативной цели говорящего/пишущего» [Там же].

В текстах ИПВ реализуются две основные стратегии – дискредитации (подрыва авторитета кого- или чего-либо) и глобификации (поднятия авторитета кого- или чего-либо). Поскольку каждая из этих стратегий реализуется в большом количестве речевых тактик и специфических языковых средств, мы ограничились целью статьи выявлением и описанием речевых тактик и соответствующих речевых средств, реализующих только одну стратегию – дискредитации.

Результаты исследования. На основании проанализированной литературы нами был создан перечень основных тактик стратегии дискредитации, в формулировках названий которых в ряде случаев мы ориентировались на работы следующих авторов: [Лингвистика... 2017; Михалёва 2009; Копнина 2008, 2017; Иссерс 2009; Тагильцева 2018, 2019; Сквородников, Копнина 2016а, 2016б, 2016в; Сквородников, Королькова 2015; Колмогорова 2018]. В стратегии дискредитации мы выделили три субстратегии – а) диффамации, б) прямого негативного оценивания, в) косвенного негативного оценивания, которые реализуются в основном различными тактиками.

I. Субстратегия диффамации – распространения порочащих сведений, характеристик мишени, представлена следующими тактиками.

1.1. Тактика бездоказательных негативных высказываний, характеризующих описываемое явление действительности:

*В Чечне является новостью только жизнь – общественная и частная – Рамзана Кадырова. Его управленческая деятельность, его силовые структуры, его вмешательство в религиозную сферу, его внешнеполитические связи, его поездки в Хадж с ближайшим окружением, его семейные визиты к очередному арабскому шейху, его дети-хафизы, его жена-предпринимательница, его мать-благотворительница, его многочисленные хобби: футбол, бокс, бои без правил, лошади, собаки и остальной зверинец. Теперь вот появилась постоянная рубрика: «Его враги». Вся эта **простая и грубая информационная***

машина работает на деньги, которые министерство печати Чечни, местные СМИ и блогеры получают из федерального российского бюджета (НГ. 2016. № 10). В данном примере рассматриваемая тактика, представленная бездоказательным тезисом, негативно характеризующим Кадырова, дополняется перечислением таких же бездоказательных фактов о его жизни и деятельности. Эпитеты в данном случае интенсифицируют заключительную часть негативной характеристики Кадырова.

*Тихой сапой, где-то летом, что-то они там приняли, провернули, передернули, подписали, и вот с 1 января **безжалостная пила** пошла резать льготы инвалидам. <...> Листовки с поздравлениями и рекламой сыпали в почтовые ящики **килограммами**, но листовку, где власть оповещала бы инвалидов о том, что им уменьшили льготы, разнести не удосужились. <...> Такие вещи они делают втихую* (НГ. 2016. № 8). В данном примере эпитеты придают характеристике действий властей значение скрытости, бесчеловечности, причем решающую роль в формировании оценки здесь играют контекст и лексическая сочетаемость. Так, благодаря ближайшему контексту усиливается отрицательная оценочность эпитета *безжалостная*; образность эпитета-интенсификатора *килограммами* создается приемом гиперболзации, а эпитет *втихую*, который в словаре имеет стилевую помету *прост.* [Ожегов, Шведова 2006: 107], уже в лексическом значении содержит сему отрицательной оценки.

*Асад, может, и выиграл с российско-иранской помощью гражданскую войну, но большинство населения его **люто ненавидит**, а страна **совершенно разорена и разрушена**, и ни Запад, ни богатые арабы существенной помощи пока не обещают.* (НГ. 2019. № 8). В данном примере рассматриваемая тактика реализуется благодаря эпитетам-интенсификаторам *люто* и *совершенно*, которые способствуют подчеркиванию отрицательной оценочности определяемых слов.

1.2. Тактика такой подачи диффамирующей информации, при которой факты и аргументы заменяются мнением автора, что создает эффект обличения оппонента:

*Любое сближение между ЕС и Россией вытесняет американцев на периферию сначала европейской, а потом и мировой политики. Поэтому США **кровно заинтересованы** в разжигании конфликтов в центре Европы* (Завтра. 2016. № 16). В данном примере диффамация представлена во фрагменте *заинтересованы* в разжигании конфликтов в центре Европы,

отрицательная оценочность которого усиливается благодаря эпитету-интенсификатору *кровно*.

Нынешние метания России выглядят вблизи суетой местного режима, загнанного в угол собственной близорукостью и корыстью (НГ. 2016. № 16). В приведенном примере эпитетом выступает причастный оборот, представленный фразеологической метафорой (*загнанного в угол*) и словами с явно негативным лексическим значением: *близорукостью* («перен. Недальновидный, лишенный проницательности» [Ожегов, Шведова 2006: 51]), *корыстью* («тоже, что корыстолюбие» [Толковый... 2011: 369]). Наличие нескольких оценочных элементов способствует усилению пейоративной характеристики политического режима.

Одновременно с этим в Америке продолжают существовать мощные амбициозные группы, требующие участия Америки в глобальном управлении. И эти два процесса – глобальные амбиции и усталость – складываются во внутренние противоречия, которые разрушают и разъедают Америку (Завтра. 2016. № 11). Эпитет, выраженный экспрессивным придаточным определительным, выполняет роль заключительного компонента высказывания, выражающего авторскую оценку, тем самым придавая пейоративную тональность всему высказыванию.

1.3. Тактика «детективного расследования», где автор представляет пошаговое разоблачение объекта через указание на его ошибки в виде иронии или издевки:

17 сентября сирийская ПВО сбита над Средиземным морем российской ракетой большой дальности 5В28 ЗРК С-200В разведывательный самолет Ил-20 ВКС РФ, который заходил на посадку в Хмеймим после проведения разведки позиций боевиков в соседней провинции Идлиб. Все 15 человек на борту – летный экипаж и расчет радиоэлектронного комплекса – погибли. В ответ Москва безвозмездно поставила сирийцам три дивизиона С-300 и до 200 ракет, а также системы РЭБ (радиоэлектронной борьбы) и контроля воздушного пространства. В Минобороны обосновали это странное решение, обвинив в катастрофе ЦАХАЛ и представив в качестве доказательства фантастическую 3D-мультипликацию, на которой, как потом выяснилось, радарные отметки гражданских самолетов, летевших вблизи воздушного пространства Кипра, были представлены как израильские истребители, которых там не было (НГ. 2019. № 8). Данный текст построен так,

чтобы обвинить, с одной стороны, военное руководство России в некомпетентности и даже глупости (**безвозмездно поставило сирийцам три дивизиона С-300 и до 200 ракет**), а с другой, в попытке свалить вину на израильтян (**представив в качестве доказательства фантастическую 3D-мультипликацию**).

Что до Лизы, то бедная Лиза раскололась за несколько дней. <...> Стали делать над ней экспертизы – и узнали: с двенадцати лет два любовника было у Лизы, а насилия не было, нет. Так что **символ невинности чистой** оказался не чище, увы, чем **нацисты, садисты, чекисты и другие кумиры Москвы** (НГ. 2016. № 10). Отметим, что в данном примере представлен особый случай взаимодействия двух разных моделей эпитетов в виде синтаксически связанной цепочки **символ невинности** → **невиновности чистой**. Отрицательная оценочность выделенных эпитетов создается благодаря ближайшему контексту (**оказался не чище, увы**), создавая эффект обманутого ожидания; и такому расположению атрибутивного словосочетания, в котором происходит сопоставление нескольких между собой несвязанных понятий, что приводит к дискредитации одного из них (**символ невинности чистой** → **нацисты, садисты, чекисты и другие кумиры Москвы**).

Как передают из Киева, отсутствие новых траншей «финансовой помощи» и кредитов нынешнему «правительству Украины» вызывает у Порошенко и Ко **растущую панику**, что проявляется как в заявлениях ряда участников нынешнего кабинета министров об отставке, так и в **лихорадочных попытках** получить хоть какие-то новые активы (решение Верховной Рады о «виртуальном реверсе» из ЕС транзитного российского газа, идущего через территорию «незалежной») (Завтра. 2016. № 6). В данном примере эпитеты способствуют созданию характеристики действий мишени, причем негативная тональность передается при помощи ближайшего контекста.

1.4. Тактика такой детализации отрицательной характеристики мишени в широком смысле (ситуации, события, чьих-либо действий и т. д.), которая создает иллюзию компетентности автора (авторов) этой характеристики и позволяет создать в тексте тональность осуждения (или, по крайней мере, – неприятия данного события или ситуации):

*Ельцин стал Ельциным не потому, что он **люто ненавидел** социализм или коммунизм, который, в общем-то, его **взрастил**, и в котором он **дорос** сначала до главы одного из*

важнейших регионов, Свердловской области, а затем – и до кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. А потому, что он люто ненавидел саму Россию и русский народ. Истоки такой ненависти нам до сих пор неизвестны, но это была ненависть глубокая и всепоглощающая (Завтра. 2016. № 5). Эпитет-интенсификатор люто придает определяемому дополнительную пейоративную оценку, причем в этом фрагменте текста повтор этого эпитета не только реализует манипулятивный воздействующий потенциал, но и способствует выражению речевой агрессии. Эффект речевой агрессии в данном случае усиливается благодаря эпитетам глубокая и всепоглощающая (ненависть).

Впрочем, эта нелепица меркнет в сравнении с повадками нашей внесистемной оппозиции <...>. С «внесистемщиками» давно все ясно – кроме одной вещи: зачем они вечно тирану на тиранию жалуются? <...> Потому что сперва эти люди проповедуют на всех углах: «Путин – сатрап, режим держится лишь на терроре, <...> Кремль уже ничего не контролирует, а его ржавые ракеты не летают!» После чего следует молниеносный логический кульбит: «Поэтому спаси нас, тираннице, от кадыровцев и путинистов! <...>». Жить с такой логикой, должно быть, очень стыдно. <...> Показываться на людях, решившись выбежать из обмоченной каморки, – рискованно. С такой логикой можно лишь отбивать опостылевшую роль шута <...> (Завтра. 2016. № 8). В данном примере тональность осуждения создается за счет контекста и выделенных эпитетов, которые во взаимодействии с контекстом 1) подчеркивают нелогичность действий оппозиции (ср. зачем они вечно тирану на тиранию жалуются и После чего следует молниеносный логический кульбит: «Поэтому спаси нас, тираннице, от кадыровцев и путинистов!»); 2) способствуют (в последних двух предложениях) созданию иллюзии компетентности автора благодаря якобы фактическому изложению событий.

Нынешнее возвращение на Ближний Восток все больше похоже на повторение советского опыта 30-40-летней давности. Противостояние с Америкой, которую уже вполне официально переименовали из «партнера» в «вероятного противника». Нарастающие расходы и безвозмездные поставки вооружений, техники и оборудования в Сирию, Египет, Ливию и Ливан. Капиталовложения в обустройство бесполезных заморских баз. Гибель людей и потери в технике. И самое неприятное – местные союзники, которые, как и в прошлом, все

глубже втягивают нашу страну в бесконечные, бессмысленные и кровопролитные свары (НГ. 2019. № 8). В данном примере немаловажную роль в создании негативной тональности текста играет его структура, построенная как доказательство тезиса. Выделенные же отрицательно-оценочные эпитеты способствуют такому описанию ситуации, в котором негативная аксиологичность нагнетается, чему способствует нанизывание пейоративных прилагательных в конце предложения (**бесконечные, бессмысленные и кровопролитные свары**).

1.5. Тактика изображения мишени интеллектуально неполноценной и эмоционально неадекватной (недалекой, импульсивной, неосведомленной, агрессивной и т. п.):

*Сегодня перед нашими странами общие вызовы – это в первую очередь экспансия Запада, стремящегося **агрессивно навязать** нам свои стандарты и ценности* (Завтра. 2016. № 16). Эмоционально-оценочный эпитет *агрессивно* вместе с определяемым глаголом *навязать* входит в причастный оборот, являющийся в свою очередь эпитетом к существительному *Запада*, и в совокупности со словосочетанием *экспансия Запада* создает характеристику действий Запада как насильственных и намеренно вредительских.

*Либеральная часть общества подняла вопрос о свободе слова и конституционном праве на высказывание своего мнения. Михаил Ходорковский даже призвал российские СМИ поддерживать французских коллег и опубликовать карикатуры на пророка. «Эхо Москвы» провело опрос на эту тему, который вызвал **яростную реакцию** Размана Кадырова* (НГ. 2016. № 8). В данном примере за счет эпитета *яростную* создается негативный (импульсивный) образ главы Чеченской республики.

*На сегодняшнюю Чечню и ее лидера Кадырова объявлена настоящая охота. На него нападают с разных сторон. По-прежнему среди **оголтелых русских националистов** актуален лозунг «хватит кормить Кавказ»* (Завтра. 2016. № 9). В данном примере эпитет, негативная оценочность которого содержится в его лексическом значении («потерявший всякое чувство меры, крайне разнузданный» [Большой... 2000: 697]), создает пейоративную характеристику определяемого.

1.6. Тактика уничижительной характеристики мишени (или ее действий) без предъявления доказательств, например:

Бувайсар Сайтиев встретился с «клоуном», и на следующий день на чеченском телевидении вышел сюжет с записью

телефонного разговора Константина Сенченко с <...> Дмитрием Ефремовым. <...> В разговоре с Ефремовым Сенченко ведет себя совершенно безвольно и признает (а по сути, повторяет за Ефремовым), что чеченские сепаратисты (на стороне которых до 2002-го были Кадыровы) и российские федералы «воевали за единую общую Россию». Так себя ведут только те, кого запугали до смерти (НГ. 2016. № 10). В данном примере характеристика действий мишени создается благодаря пейоративному эпитету безвольно, при этом снижение авторитета участника телефонного разговора усиливается за счет всей конструкции (определяемое плюс определяющее) запугали до смерти.

Теперь в «Литературной газете» больше нет места государственным и патриотам. Результат этого сказался немедленно: тираж газеты упал, подписчики разбежались, газета вновь превратилась в литературного микроба, столь мелкого, что он не в состоянии породить эпидемии (Завтра. 2019. № 3). В данном примере уничижительная оценка содержится в яркой развернутой метафоре газета вновь превратилась в литературного микроба, столь мелкого, что он не в состоянии породить эпидемии, в которой структурный комплекс столь мелкого, что он не в состоянии породить эпидемии выполняет роль эпитета.

Честно говоря, не хотелось бы даже замечать эту дату. Но так как наши либералы подняли визг и вой в связи с юбилеем человека, которого они долгие годы выдавали за «всенародно избранного» кумира, а сегодня вновь стремятся раздуть эту абсолютно ненужную и позорную для нашей страны величину в нечто значимое, несколько слов по данному поводу сказать все-таки необходимо (Завтра. 2016. № 5). В данном примере уничижительная оценка мишени создается благодаря пейоративным эпитетам ненужную и позорную, отрицательная оценочность которых усиливается эпитетом-интенсификатором абсолютно.

II. Субстратегия прямого негативного оценивания (характеристики) мишени:

2.1. Тактика характеристики действий мишени как несостоятельных или нарушающих закон / нормы морали:

Это была сетевая кампания гражданского неповиновения в Сети, кампания, в которой люди просто отказывались исполнять идиотское решение власти, кампания, которая

так легко и просто самоорганизуется в интернете и так трудно возникает в реальной жизни (НГ. 2016. № 9). В данном примере пейоративный эпитет не только передает авторское отношение, но и способствует очернению власти.

*Это был «марш» солидарности с убийцей, <...> акция за фашистскую хунту – как будто им мало было просто почитать память пройдохи (о Б.Е. Немцове – Н.Б.), **разграбившего пол страны** (Завтра. 2016. № 9). Преувеличение недостатков мишени в данном примере происходит благодаря пейоративному эпитету, выраженному причастным оборотом с гиперболизацией – **разграбившего пол страны**, и экспрессивно-оценочному определяемому пройдохи, что в совокупности создает саркастическую тональность.*

*Я считаю, что Борис Николаевич Ельцин – это не фанатик какой-то идеи, красной или белой, капиталистической, гуманистической, либеральной и какой угодно. Это, на мой взгляд, просто **властолюбивый самодур**, которого использовали для развала сначала Советского Союза, а потом и России (Завтра. 2016. № 5). В данном примере сема неправомерных действий и поступков содержится уже в лексическом значении определяемого самодур («человек, действующий по произволу, по собственной прихоти, не считаясь с другими людьми» [Большой... 2000: 1143]) и подчеркивается при помощи эпитета **властолюбивый**.*

2.2. Тактика уничижительно-иронического преуменьшения каких-либо достоинств мишени (качества, силы, значимости, масштабности и т. д.) и/или преувеличения ее недостатков:

*До явления Путина Серову ничто не предвещало превращения Третьяковки в Брестскую крепость, которую нужно брать штурмом. С Кадыровым ситуация еще забавней. Его **титаническая борьба** с либералами протекала исключительно в интернете (НГ. 2016. № 8). В данном примере ироническая тональность текста создается благодаря тому, что эпитет **титаническая** выступает в роли антифразиса, который в данном контексте порождает эффект обманутого ожидания.*

*Ну, не настолько, как предлагают вроде бы **подрабатывающие сейчас безопасными либеральными пугалами Чубайс и Ко...** Но заработать на расколе между властью и обществом в России сегодня объявилось что-то слишком много желающих, слева направо и обратно (Завтра. 2019. № 3).*

В данном примере эпитет, выраженный причастным оборотом, создает уничижительную характеристику мишени.

*Среди других **прекрасных достижений антицифровой революции** можно упомянуть: закон о дата-центрах, содержащих персональные данные граждан России <...> Если в мире цифровая революция способствует большому удобству ведения бизнеса и росту ВВП, то российская **антицифровая революция** бизнес затрудняет и является способом перераспределения все более уменьшающегося пирога в пользу приближенных к государству контор <...> (НГ. 2016. № 2). Приведенный фрагмент текста показывает, что эпитет **прекрасных** используется в противоположном значении (антифразис), создавая ироническую окраску атрибутивного словосочетания **достижений антицифровой революции** и всего фрагмента в целом.*

2.3. Тактика нагнетания в тексте слов, обозначающих негативные явления, поступки и т. д. или обладающих негативной коннотацией, для соответствующей характеристики мишени, например:

*Слетелись почтить **«главного архитектора перестройки»**, **расчленившего Советскую Россию**, многие ненавистники нашей Родины <...>, прибывших из Германии, где сегодня в тепле и комфорте проживает большая часть бывшей советской **«номенклатуры»**, **нажившейся на развале собственной страны** <...>. Спасибо М.С. говорят и в Америке. Поскольку, как результат его **гениальных нововведений**, Советская Россия потеряла пояс своей стратегической безопасности <...> (Завтра. 2016. № 10). В приведенном примере причастные обороты в роли эпитетов, содержащие слова с отрицательным лексическим значением, и эпитет-антифразис **гениальных** в совокупности способствуют созданию характеристики периода правления М. С. Горбачева как неэффективного и упадочного.*

*Анатолий Борисович в подобных ситуациях всегда **чувствовал** себя как **рыба в воде**. Две «волги» за ваучер (вам, привыкшим к иномаркам, сегодня не понять этой **тонкой икры** на психологии советского человека), «приватизационные аукционы», где будущие олигархи на одолженные у государства деньги **за бесценок скупали** «Норильские никели», «Русские алюминии» и прочую «Сибнефть» <...>. Нет смысла спорить с Чубайсом, что-то в его словах опровергать, что-то доказывать. Более того, нет смысла вообще слушать и как-то **всерьез воспринимать** сказанное им. Ничего, кроме по-*

пытки очередного надувательства, от этого великого либерала и западника ждать не приходится (Завтра. 2019. № 3). В данном примере в формировании дискредитирующей характеристики мишени большую роль играет контекст, в котором автор текста отсылает читателя к негативному опыту прошлых лет, создавая пейоративную тональность всего текста. Выделенные эпитеты подкрепляют отрицательный образ, а ироническая тональность атрибутивного словосочетания *великого либерала и западника* создает уничижительную оценку.

*На моих глазах тысячи людей обходили блокировку и таким образом отвергали **дикое, ущербное, варварское решение** суда и Роскомнадзора. <...> Это была сетевая кампания гражданского неповиновения в Сети, кампания, в которой люди просто отказывались исполнять **идиотское решение** власти <...>. Блокировка Рутрекера <...> стоит в ряду других **разрушительных решений и намерений** власти. <...> им нужна только человеческая **безгласная и бездумная масса**, которую они могут **мять, выдавливая из нее деньги*** (НГ. 2016. № 9). В данном примере мишенью выступает решение власти и сама власть, которые характеризуются как бессмысленные за счет нагнетания пейоративных эпитетов. Причем манипулятивный потенциал атрибутивных словосочетаний усиливается благодаря нанизыванию отрицательно-оценочных определений (*дикое, ущербное, варварское решение*), использованию, по сути дела, инвективы (*идиотское решение власти*) и созданию особого звучания текста – аллитерации (*разрушительных решений и намерений*) и анафорического повтора (*безгласная и бездумная масса*).

2.4. Тактика дискредитации мишени путем изображения безобразного и/или оскорбления, а также приписывания мишени отрицательных качеств, ей не свойственных:

*Ведь в 1999 году, в момент, когда **Ельцин, уже практически остывающий и разлагающийся от страшных деяний**, <...> передал власть молодому президенту, политологи во всем мире строили прогнозы, когда Россия перестанет существовать <...>* (Завтра. 2016. № 7). Эпитет, выраженный причастным оборотом, содержит не только оценочное имя прилагательное *страшных*, но и метафорические причастия *остывающий, разлагающийся*, за счет которых и дискредитируется Б. Н. Ельцин.

*На Ближнем Востоке разверзается **громодная черная дыра**. Из нее выползает **мерзкая отератительная медуза ИГИЛ**, тянет свои щупальца к русскому Северному Кавказу, к Крыму, к Средней Азии (Завтра. 2016. № 10). В данном примере благодаря контексту и эпитетам **мерзкая** и **отератительная** формируется метафорический образ запрещенной в РФ террористической организации.*

*По мере сжатия даров системной коррупции система просто перестает работать. Уже сейчас она очищена от специалистов и утрамбована универсальными менеджерами, обученными эффективно осваивать бюджеты, но ничему более. Это особая, **безжалостная порода людей с холодными глазами и липкими руками**, которых уже сейчас явное перепроизводство. Когда часть этих людей окажется на улице, а потом и выйдет на улицу, власть будет с тоской вспоминать про белые ленты и зубную эмаль (НГ. 2016. № 2).*

III. Субстратегия косвенного негативного оценивания:

3.1. Тактика создания компрометирующих сопоставлений и сравнений:

*Теперь Чубайс предлагает реформировать тарифную сетку, увеличить цены на электричество частным и государственным предприятиям и заводам. И это увеличение скажется на продуктовых ценах, которые и так **растут, как поганые грибы** (Завтра. 2019. № 3). В данном примере сравнительный оборот, выступающий в роли эпитета, придает тексту образность, при этом способствует выражению авторской оценки – негодования и недовольства по поводу быстрого роста цен, а следовательно и того, чьи действия вызывают повышение цен.*

*Вы слышите, как грохочут сапоги либералов по брусчатке Красной площади? Видите, как они перекрашивают кремлевские соборы, дворцы и башни в цвет своей **радужной слизи**? (Завтра. 2019. № 3). Данное высказывание предупреждает об угрозе режиму, исходящей со стороны так называемых либералов, что достигается путем намека через введение словосочетания «радужная слизь».*

*Запад **спускает Саакашвили с цепи, как азартного пса**, везде, где нужно ломать хребет негодным персонам, народам, государствам (Завтра. 2016. № 7). За счет отрицательно-оценочного эпитета, выраженного сравнительным оборотом с союзом **как**, создается не только пейоративный образ Саакашвили, но и дискредитируется Запад.*

3.2. Тактика похвалы одних на фоне порицания других:

А мы всегда проигрываем в такой ситуации, потому что российская внешняя политика выстраивается с позиции справедливости, с позиции блага для всех. Ср. далее: Американцы же всегда будут действовать с позиции лжи, коварства (Завтра. 2016. № 16). За счет антитезы (противопоставляются эпитеты справедливости, блага и лжи, коварства) в рамках небольшого контекста формируется мелиоративная характеристика России и пейоративная Америки, а также ярко очерчивается авторское отношение к описываемому.

Либеральные театры на своих микроскопических сценах продолжают коверкать русскую классику, упражняться в сквернословии и мерзких аллюзиях. Этот парад микроцефалов не будет длиться вечно. Солнце русского Крыма продолжит свое свечение. Ледоколы в арктических льдах поведут караваны русских кораблей: русской философии, русской литературы, русского вероисповедания. Молодое поколение русских писателей, поколение Прилепина и Шаргунова, пробивает полынью в либеральных льдах. «Литературная газета» вновь сбросит с себя тлетворное либеральное рубище и облечется в белые одежды. «Молодые капитаны поведут наш караван» (Завтра. 2019. № 3). В данном примере реализуется также тактика предвосхищения событий, благодаря чему автор создает положительный образ будущего России на фоне негативных высказываний о либеральном течении.

Модерн не отменен, но стал другим, в том числе войдя в метасистему постмодерна. <...> Но Россия вновь вне времени. Она оставляет при себе худшее, что есть в некритично воспринимаемом Модерне. <...> <...> Чем больше ада во внешнем мире показывает телевизор, тем хуже ожидания уготованного нам здесь. Запад, породивший Модерн, но и смиливший его, опять вызывает в России зависть, реализуемую в уничтожении несостоявшегося предмета страсти (НГ. 2016. № 16). В данном примере создается образ неразвитой России. Способствует этому не только контекст, но и эпитет-интенсификатор непрожитое толком, определяемые не новое, доисторическое прошлое, приобретающие в данном тексте негативную оценочность, а также сопоставление Запада и России в заключительной части фрагмента текста.

Представим полученные данные в виде таблицы (см. Таблица).

Таблица

СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ	
Субстратегия диффамации	Тактика бездоказательных негативных высказываний, характеризующих описываемое явление действительности
	Тактика такой подачи диффамирующей информации, при которой факты и аргументы заменяются мнением автора
	Тактика «детективного расследования», где автор представляет пошаговое разоблачение объекта через указание в иронической форме на его ошибки
	Тактика такой детализации отрицательной характеристики мишени в широком смысле (ситуации, события, чьих-либо действий и т. д.), которая создает иллюзию компетентности автора (авторов) этой характеристики и позволяет создать в тексте тональность осуждения (или, по крайней мере, – неприятия данного события или ситуации)
	Тактика изображения мишени интеллектуально неполноценной и эмоционально неадекватной (недалекой, импульсивной, неосведомленной, агрессивной и т. п.)
	Тактика уничижительной характеристики мишени (или ее действий) без предъявления доказательств
Стратегия прямого негативного оценивания (характеристики) мишени	Тактика характеристики действий мишени как несостоятельных или нарушающих закон / нормы морали
	Тактика уничижительно-иронического преуменьшения каких-либо достоинств мишени (качества, силы, значимости, масштабности и т. д.) и/или преувеличения ее недостатков
	Тактика нагнетания в тексте слов, обозначающих негативные явления, поступки и т. д. или обладающих негативной коннотацией, для соответствующей характеристики мишени

	Тактика дискредитации мишени путем ее осквернения, изображения безобразного или приписывания мишени качеств, ей не свойственных
Субстратегия косвенного негативного оценивания (характеристики) мишени	Тактика создания компрометирующих сопоставлений и сравнений
	Тактика похвалы одних на фоне порицания других

Как показано в таблице, наиболее частотны эпитеты принимают участие в реализации субстратегии диффамации, что, на наш взгляд, обуславливается ее распространенностью в рассматриваемых текстах. Во всех трех субстратегиях, в реализации которых участвуют эпитеты, в большей или меньшей степени проявляется так называемая речевая агрессия, под которой мы понимаем «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина 2008: 15].

Закключение. В ходе анализа были выявлены особенности функционирования эпитетов в реализации субстратегий и тактик стратегии дискредитации. Рассматриваемое средство языковой выразительности способствует снижению социальной роли мишени ИПВ, приданию тексту иронической тональности, созданию пейоративной характеристики и компрометирующих ассоциаций, передаче авторской оценки того или иного объекта, выражению речевой агрессии и речевой манипуляции. Отметим, что представленные результаты исследования не претендуют на полноту и будут восполняться и уточняться в ходе дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. 1-е изд.-е. – СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.

Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов : сборник трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26-27 апреля 2018 г.) / под науч. ред. проф. В. Ш. Сабирова ; СибГУТИ. – Новосибирск : СибГУТИ, 2018. 820 с.

Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». – М. : Флинта : Наука, 2009. 224 с.

Колмогорова А. В. Дискурсивные стратегии легитимации однополых браков в российском медиапространстве // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. № 2. С. 99-117.

Копнина Г. А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. – 2017. № 5 (65). С. 206-216.

Копнина Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие. 2-е издание. – М. : Флинта, 2008. 176 с.

Лингвистика информационно-психологической войны : монография / А. А. Бернацкая, И. В. Евсеева, А. В. Колмогорова [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Сиб. федер. унт, 2017. Книга I. 340 с.

Лингвистика информационно-психологической войны : монография / А. А. Бернацкая, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. Кн. II. 488 с.

Михалёва О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. – М. : Либроком, 2009. 252 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

Сковородников А. П. Ложка дегтя в бочке меда (об одной «детали» романа Евгения Водолазкина «Лавр») // Политическая лингвистика. – 2018. № 2 (68). С. 29-39.

Сковородников А. П., Копнина Г. А. О психологических основаниях лингвистики информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016б. № 2. С. 238-258.

Сковородников А. П., Копнина Г. А. О философских основаниях лингвистики информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016а. № 1. С. 35-50.

Сковородников А. П., Булахова Н. П. К определению понятия «эпитет» (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. № 2. С. 122-143.

Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. – 2016в. № 1 (55). С. 42-51.

Сковородников А. П., Королькова Э. А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. – 2015. № 3 (53). С. 160-172.

Тагильцева Ю. Р. А был ли «новичок»? Стратегии и тактики информационно-психологической войны британских СМИ в «деле Скрипаля» // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 10-14 окт. 2018 г.). – Екатеринбург, 2018. С. 246-248.

Тагильцева Ю. Р. Стратегии и тактики информационно-психологической войны в контексте российско-британских отношений // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. № 4. С. 92-104.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. Изд. 2-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 360 с.

REFERENCES

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. 1-e izd-e. – SPb. : Norint, 1998. 1536 s.

Informatsionnye voyny kak bor'ba geopoliticheskikh protivnikov, tsivilizatsiy i razlichnykh etosov : sbornik trudov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (g. Novosibirsk, 26-27 aprelya 2018 g.) / pod nauch. red. prof. V. Sh. Sabirova ; SibGUTI. – Novosibirsk : SibGUTI, 2018. 820 s.

Issers O. S. Rechevoe vozdeystvie : ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Svyazi s obshchestvennost'yu». – M. : Flinta : Nauka, 2009. 224 s.

Kolmogorova A. V. Diskursivnye strategii legitimatsii odnopolykh brakov v rossiyskom mediaprostranstve // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. – 2018. № 2. S. 99-117.

Kopnina G. A. Rechevye taktiki i priemy diskreditatsii pravoslaviya v sovremennoy informatsionno-psikhologicheskoy voyne (na materiale internet-tekstov) // Politicheskaya lingvistika. – 2017. № 5 (65). S. 206-216.

Kopnina G. A. Rechevoe manipulirovanie : ucheb. posobie. 2-e izdanie. – M. : Flinta, 2008. 176 s.

Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monografiya / A. A. Bernatskaya, I. V. Evseeva, A. V. Kolmogorova [i dr.] ; pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. – Krasnoyarsk : Sib. feder. unt, 2017. Kniga I. 340 s.

Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monografiya / A. A. Bernatskaya, L. A. Gavrilov, V. A. Zhilina [i dr.] ; pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. – Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2019. Kn. II. 488 s.

Mikhaleva O. L. Politicheskii diskurs. Spetsifika manipuliyativnogo vozdeystviya. – M. : Librokom, 2009. 252 s.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy. 4-e izd., dop. – M. : OOO «A TEMP», 2006. 944 s.

Skovorodnikov A. P. Lozhka degtya v bochke meda (ob odnoy «detali» romana Evgeniya Vodolazkina «Lavr») // Politicheskaya lingvistika. – 2018. № 2 (68). S. 29-39.

Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. O psikhologicheskikh osnovaniyakh lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. – 2016b. № 2. S. 238-258.

Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. O filosofskikh osnovaniyakh lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. – 2016a. № 1. S. 35-50.

Skovorodnikov A. P., Bulakhova N. P. K opredeleniyu ponyatiya «epitet» (predugotovlenie k funktsional'noy kharakteristike) // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. – 2017. № 2. S. 122-143.

Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. – 2016v. № 1 (55). S. 42-51.

Skovorodnikov A. P., Korol'kova E. A. Rechevye taktiki i yazykovye sredstva politicheskoy informatsionno-psikhologicheskoy voyny v Rossii: etiko-pragmaticheskiy aspekt (na materiale «Novoy gazety») // Politicheskaya lingvistika. – 2015. № 3 (53). S. 160-172.

Tagil'tseva Yu. R. A byl li «novichok»? Strategii i taktiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny britanskikh SMI v «dele Skripalya» // Uchimsya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 10-14 okt. 2018 g.). – Ekaterinburg, 2018. S. 246-248.

Tagil'tseva Yu. R. Strategii i taktiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny v kontekste rossiysko-britanskikh otnosheniy // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. – 2018. № 4. S. 92-104.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / RAN ; Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova ; otv. red. N. Yu. Shvedova. – M. : Izdatel'skiy tsentr «Azbukovnik», 2011. 1175 s.

Shcherbinina Yu. V. Verbal'naya agressiya. Izd. 2-e. – M. : Izd-vo LKI, 2008. 360 s.